

Глава 1. Понятие власти

В политической науке и политической философии не существует единого теоретико-методологического подхода к анализу феномена власти, интерпретации этого понятия, определению его объема и т.п. Тем не менее категория власти широко применяется в исследованиях любого рода политических отношений - международных, национальных или локальных. Многие авторы утверждают, что отношения власти являются важнейшей, если не главной и определяющей чертой политических отношений. Различия между политическими системами или глубокие изменения в обществе воспринимаются в первую очередь как различия в распределении власти между индивидами, группами и другими социальными единицами. Констатируется, что власть может быть относительно концентрированной или диффузной, ее носителями могут быть индивиды, страты, классы, профессиональные, этнические, расовые или религиозные группы, наконец, власть может быть относительно большой или малой.

Исследования отношений власти в рамках различных организаций составляют еще более обширную группу. Уже не политическая, а бюрократическая (организационная) власть становится в этих случаях объектом рассмотрения. Весь широкий спектр организационных отношений - отношения управления, предполагающие подчинение, влияние, убеждение и т.д., - также исследуются как своего рода властные отношения. Понятие власти, таким образом, применяется ко многим сферам межличностных взаимодействий, создавая возможность для незаметной подмены плоскостей рассмотрения, а следовательно, перенесения выводов, сделанных, например, в организационной области, на политическую, и наоборот. Вследствие этого исследователи, занимающиеся проблемой власти, часто вынуждены признавать зыбкость, теоретическую ненадежность результатов исследований власти, а также "смутность" самого этого понятия.

Вполне естественно поэтому на первое место выдвигается проблема определения власти, связанная с наличием той или иной концепции властных отношений, создаваемой на базе определенной философской или общесоциологической теории.

1. О трудностях определения понятия власти

Классическое понятие власти так называемого политического реализма во многих отношениях сходно с понятием бога у схоластов: власть раскрывается как *ens realissimum*¹ политики и в качестве таковой есть одновременно высшая цель политического действия и его первая причина. С другой стороны, власть видится как материальное благо, а значит, она может быть завоевана, утрачена, увеличена или уменьшена; она характеризуется даже как "деньги политики". Таким образом, она проявляется как количественно измеряемая величина, которая может быть передана, поделена, а также приведена в "равновесие". И наконец, если власть асимметрично разделена, то ее части могут друг друга компенсировать. При этом большая власть одной стороны есть такая власть, к которой в результате приходит кто-то один, в то время как малая власть другой стороны может остаться без внимания. Следовательно, власть в итоге есть сверхвласть. Это положение сводится к принципиальной предпосылке: власть в конечном счете существует только в поле потенциального конфликта и проявляется в одностороннем отношении - от причины (власть) к действию (вынужденное изменение поведения слабой стороны). Таким образом констатируется, что анализ власти может привести к выявлению ее четкой структуры.

Этот подход принимает во внимание в лучшем случае только незначительную часть феномена, обозначаемого словом "власть". Более того, сам феномен в конце концов даже полностью исчезает из виду - точка зрения консенсусной теории власти², согласно которой власть соответствует человеческой способности не только действовать и что-то предпринимать, но и объединяться с другими, действовать в согласии с ними. Властью никогда не располагает кто-то один: она принадлежит всей группе и существует до тех пор, пока группа держится вместе. Если мы о ком-нибудь говорим: он "имеет власть", то фактически это означает, что этот человек уполномочен определенным числом людей действовать от их имени. Если группа, которая уполномочила обладателя власти и передала ему свою власть, распадется, то прекращается и "его власть". Луман это довольно смелое выведение власти "из группы" переформулировал и значительно дифференцировал в духе теории систем.

¹ Реальнейшее сущее (бог) - лат.

² Ее известной представительницей является Х. Арендт (*Arendt H. Macht und Gewalt. München, 1970*).

Находим ли мы здесь предпосылки для фундаментальной критики политического реализма?

На первый взгляд, консенсусная теория власти прямо противоположна классическому пониманию. Друг другу противостоят не только относительные величины - конфликт/консенсус, но противоположным образом может пониматься также позиция обладателя власти и само качество власти. В первом случае обладатель власти фактически ее имеет, и она является его достоянием; во втором случае обладатель власти кажется безвластным, зависимым от границ и продолжительности предоставленных группой полномочий (Х.Арендт) или структуры социальной системы (Н.Луман). Продолжая эту мысль, можно сказать, что в первом случае власть порождает систему - соответственно сохраняет ее, во втором - система порождает власть. Оба теоретических положения могут быть поняты как абстракции двух различных архетипов политической ситуации: с точки зрения политического реализма здесь всегда действует образец макиавеллевского *principe nuovo*, предполагающего ситуацию создания государства - соответственно нестабильных политических отношений; с точки зрения консенсусной теории - вырисовывается ситуация консолидирующей политической системы. При сравнении бросается в глаза, что понимание власти с точки зрения политического реализма раскрывается на примере исключительной ситуации и, кроме того, нереалистично исходит из тотальной изоляции обладателя власти.

В остальном же при внимательном рассмотрении обеих позиций обнаруживается их существенное совпадение: если в теории конфликта власть в конце концов определяется только на основе отношений между обладателем власти и адресатом власти, то консенсусная теория властных отношений придает значение асимметрии с элементом принуждения.

Далее, альтернативные позиции фактически не могут быть сравнимыми, ибо они проявляют себя в различных плоскостях: теория конфликта акцентирует внимание на осуществлении власти, в противоположность этому консенсусная теория выявляет генезис власти. Из-за этого разногласия нельзя согласиться с тем, что социальные теории получают свой особый профиль благодаря всеохватывающей редукции реальной комплексности. Возникает закономерный вопрос: действительно ли власть должна проистекать только из консенсуса и проявлять себя только в виде вынужденного изменения поведения? Во всяком случае очевидно, что обе теории мало или совсем ничего не говорят о власти. Тогда следует спросить: не приведет ли это удивительное по-

ложение дел к тому, что никто "точно не знает, о чем, собственно, идет речь"³. Или к тому, что о феномене нельзя сказать больше того, что уже сказал М.Вебер в своей знаменитой дефиниции?

В связи с этим следует внимательно проанализировать веберовское понятие власти, которое странным образом оказалось вне поля зрения социальных наук.

Прежде всего надо отметить, что в концепции немецкого ученого проводится четкое различие между основаниями властных отношений и сферой реализации власти. Вопрос об основаниях власти остается совершенно открытым, феноменология осуществления власти также строго не определяется, однако в конечном счете она дается в духе политического реализма, т.е. исходя из ситуации конфликта. Из первого признака понятия власти - основания власти - вытекает вывод о том, что средства принуждения, применяемые во время конфликта, не представляют, по Веберу, единственного базиса власти.

В самом деле, сегодня можно считать бесспорным, что мы имеем дело с бесчисленным множеством гетерогенных ресурсов власти (информация, авторитет, деньги, шанс отказать в кооперации и т.д.), благодаря чему снимается проблема однообразия власти, односторонности властных отношений и однозначности властных структур. Вопрос оказывается даже глубже: на какой вообще плоскости две власти могут встречаться, граничить друг с другом или превалировать друг над другом, ибо, опираясь на два различных ресурса власти, они фактически представляют различные виды власти.

На фоне современных исследований многообразия ресурсов власти образ романского одинокого стратега власти, выведенного в работах Макиавелли, предстает как одно из главных действующих лиц, который свою власть черпает прежде всего из социального контекста. Игнорируя схематичность собственного описания взаимодействия конкурирующих сторон и подданных государя, Макиавелли, например, обсуждая аморальность государей, ясно показывает, как могут имеющиеся в обществе представления о добродетелях как границах власти функционировать в качестве ресурсов власти.

Второй признак дефиниции Вебера, согласно которому феноменология осуществления власти зависит от ресурсов власти и ситуации, остается открытым и нуждается в четком анализе. Предъявленное им требование к власти, которая должна уметь

³ Luhmann N. Klassische Theorie der Macht. Kritik ihrer Prämissen // Zeitschrift für Politik. 1969. Jg. 16. S. 149.

осуществляться "и осуществляться вопреки сопротивлению", дабы проявить себя в качестве таковой, недостаточно ясно. Если это понимать так, как это имеет место в теории конфликта, то это должно было бы означать, что власть может быть независимой от своих оснований только в (потенциальном) конфликтном отношении. Однако это находится в определенном противоречии с первым признаком дефиниции - многообразием возможных редуцирований власти.

Что в таком случае представляет собой основанная на авторитете (харизме, компетентности или должности) власть над свитой, членами общины, гражданами? Сопротивление авторитету есть признак крушения базиса власти или ее грани, а также признак того, что для обладателя власти больше нет шансов ее осуществить. Можно ли на этом основании сделать вывод о том, что из-за этого она была ранее не-властью?

"Донаучное" понимание, которое мы, верные архистотелевской научной традиции, не хотим игнорировать, несомненно, исходит из того, что обладатель власти имеет власть также и над своей свитой, невзирая на то, что эта власть может быть сведена к фактам консенсуса, доверия и т.д. Это говорит о том, что власть покоится "в группе" (Арендт), которая проявляет себя в сопротивлении. Но соглашаясь с утверждением Арендт о том, что власть в конечном счете коренится исключительно в группе, нельзя постигнуть сущности авторитета: он как раз не безразличен к индивидуальной настрою своего окружения, иначе бы он не был таковым. Это сопряжение двух взаимодействующих властей внутри одного и того же социального отношения, их взаимная зависимость и возможность их реализации не исчерпываются описанием в рамках примитивной конфликтной модели и, видимо, затрагивает серьезные теоретические проблемы.

Таким образом, мы подходим к третьему пункту, являющемуся ядром веберовской дефиниции - определению самой власти. Вебер использует здесь непривычное для нас выражение "шанс" и тем самым придает власти онтологически высокий статус. Переведем в этой связи термин "шанс" как "возможность действовать" и дополним его смысл, принимая во внимание другие признаки дефиниции, словосочетанием "вероятное действие против других". Тогда станет очевидным, что если власть есть только возможность, а, следовательно, не действительность, то перед политическим реализмом возникает проблема: каким образом категория власти вообще может быть доступной для эмпирическо-научного анализа. Очевидно, эмпирические высказывания относительно власти возможны

только в том случае, если власть была успешно осуществлена и, следовательно, если реализация действия и его результат подтверждают то, что власть действительно имела место. Понятно, что это относится только к реализовавшимся действиям, а не к проектируемым, про которые мы никогда не можем знать наверняка, осуществляется ли они фактически или нет. Высказывания относительно власти, т.е. относительно свободы действий, возможностей ее реализации, имеют характер только прогнозов, ценность которых сомнительна.

На это могут возразить, заявив, что существуют многочисленные социологические и политологические исследования власти, которые к тому же сопровождаются бурными дискуссиями относительно адекватности самих методов исследования. Эта литература, однако, может служить скорее для подтверждения, чем для опровержения нашего понимания власти. Героическое время борьбы между разным отношением к репутации властителя, его роли в процессе принятия решения давало в этом смысле информацию, которая недостаточно принималась во внимание в дискуссии о правильных методах анализа власти. Кратко обобщая сказанное, можно утверждать, что метод оценки репутации властителя, с помощью которого власть должна измеряться на основании опросов (надо надеяться - компетентных) его окружения, анализирует как раз не саму эту власть, а мнение третьей стороны относительно непосредственного предмета исследования; что позиционный метод представляет нормативно определяемую структуру распределения власти как реальную - это соответствует общему донаучному суждению как эмпирическому и вероятностному суждению, но именно поэтому претензии самонадеянной социально-научной методологии едва ли правомерны; и, наконец, что метод процесса принятия решения видится явно и вполне в духе выдвинутой здесь предпосылки, согласно которой власть может определяться в крайнем случае ex post, и результаты тогда должны использоваться в прогностическом плане. Власть сама попадает здесь в поле зрения только (а) частично и (б) гипотетически.

Дальнейшее исследование проблем власти в направлении усовершенствования методов и комбинаций различных подходов или в направлении ее дифференциации по сферам действия ничего не может изменить в сущности вывода о том, что мы в принципе не вышли за пределы предполагаемого политического решения.

Проблема, состоящая в том, чтобы понять власть по образцу отношений реальных предметов, конечно, еще не проанализиро-

вана. Независимо от методологического подхода к решению проблемы можно задаться также вопросом: каким образом хотя бы теоретически, можно определить власть как реальную возможность действия?

Если мы понимаем власть как "свободу действий", то целесообразно определять власть в соответствии с ее величиной и относительно ее границ. Другими словами, должны быть указаны по крайней мере условия, при которых власть может осуществляться.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что общественно-политическое устройство есть реальная системная структура, которая определяет разделение ресурсов власти, свободу действия и ее границы. Следовательно, система есть условие возможности действия и одновременно границ действия. Каким образом каждый обладатель власти включен в это, лучше всего можно продемонстрировать с помощью модели абсолютного властелина, монополиста всякой власти. Если бы такой властелин в какой-то момент попытался один реализовать всю номинальную полноту власти, то из-за огромного количества задач и полного вакуума информации он был бы неспособен к действию. Фактически ни одна автократическая власть не пытается осуществить господство в соответствии с номинальной идеологией власти; все реальные актеры осуществляют свою власть в системе с разделением труда, т.е. в системе кооперации, в которой действующие лица дополняют друг друга. Даже если такая система кооперации функционирует как иерархическая, управляемая из центра, то автоматически по мере функциональной и структурной дифференциации политической системы появляются побочные сферы действия власти с собственными ресурсами (информацией, знаниями, определенной сферой компетенции). Эти побочные ветви власти могут действовать также как анти-власть соразмерно своим ресурсам, но в первую очередь они являются условием осуществления высшей власти. Возникает мнимый парадокс: только "разделение" упомянутой тотальной власти вообще создает власть в высшей инстанции. Заканчивая мысль, можно сказать, что власть становится реальной возможностью только благодаря ограничению.

Если эта констатация правильна, то все же остается вопрос: а не являются ли "разделение власти" и "ограничение власти" скорее метафорой, чем понятием, отражающим действительность? Если мы возьмем простой случай - правительство, то выясняется, что оно, чтобы осуществлять власть, предписанную ему конституцией, или власть, на которую оно претендует само, дол-

жно обслуживаться бюрократией, созданной внутри иерархической правительственной системы. Отношения власти с позиционной точки зрения ясны: бюрократия, соответственно классической модели бюрократии, инструментально управляется правительством. Путаницу вносит, однако, противоположная точка зрения, согласно которой именно правительственная бюрократия управляет правительством. Разумное разрешение проблемы видится в предположении, что оба мнения правильны или, наоборот, оба ошибочны.

Выделяя различные виды власти на основе различных ресурсов, мы сразу же обнаружим, что власть бюрократии иная, чем власть правительства. Если правительственная власть опирается на партийно-политическое большинство, общественное одобрение (через доступ к средствам массовой информации), конституционно-правовые полномочия и т.д., то власть бюрократии - на информацию, селекцию информации, ограничение компетенции; и, наконец, поскольку право принимать решения были делегированы ей правительством, - она имеет также часть непосредственной правительственной власти. Последнее - вообще уже эфемеризм, так как само правительство, вероятно, делегированную власть никогда не могло ощутить. Это означает, что она была делегирована формально, т.е. реально не была дана правительству. Власть как реальная возможность действия есть только в руках бюрократии; таким образом, разделение власти здесь по меньшей мере только метафора.

Если мы далее обратимся к изучению модели взаимодействия между правительством и бюрократией, т.е. взаимного использования возможностей их воздействия друг на друга, то ни в коем случае не обнаружим ясно определенных границ власти. Это зависит не от неудовлетворительной методики или каких-то конкретных трудностей, а от структуры самого поля исследования. Каждое воздействие ограничивает свободу действия другой стороны, но может и заново открыть или развить возможности ее действий. Так как оба часто являются следствием одного и того же акта (например, представления информации в качестве основы для принятия решения правительством), то поиски ясной линии, отделяющей друг от друга две сферы власти, априори безнадежны.

Полученный вывод не зависит от того, что понятие власти применяется здесь в широком смысле, допускающем между "вливанием" и "господством" наличие целой шкалы форм осуществления власти. Даже если о власти говорить иначе, чем здесь говорилось - т.е. только в том смысле, что воля может осуществ-

вляться вопреки сопротивлению, - познавательная ситуация принципиально не изменится. Факт осуществившейся воли руководства (правительства), который был обеспечен адресатом власти (бюрократией), предлагает модель ситуации, в которой воля осуществляется вопреки противостоящей ей воле. Остаются нерешенными также вопросы: подходит ли эта модель к тому случаю, когда бюрократия, например, благодаря своей компетенции осуществляет "сопротивление" планам политического руководства? Оказывается ли сильнее бюрократия в том случае, когда она "реализует себя" благодаря убеждениям, или же сильнее оказывается нежелающее обучаться правительство, когда оно одерживает верх над бюрократией, предпочитающей долг политической лояльности? Еще более принципиально нужно поставить следующий вопрос: не является ли представление о ясной воле слишком узким для воплощения того, что не очень ясно определяется, чтобы соответствовать реальности процесса управления? "Президент способен к действию. Предполагается, что он знает, чего он вообще хочет. Однако последнее само по себе представляет иногда очень большую проблему". (Г.Киссинджер). Мы знаем, что бюрократия часто работает или должна работать с обоснованным предположением относительно определенной правительственной воли, так как правительство никогда не может охватить все части правительственной системы. В таком случае где и чья власть здесь кончается?

Если границы власти в процессе взаимодействия не будут ясными, то произойдет то же самое, как в случае, если мы будем рассматривать обладателя власти как лицо, действующее только ради своей выгоды. При данных обстоятельствах предоставление "постоянной" свободы действия уменьшается, если мы замечаем, что "утогрбление" власти может привести к увеличению власти. Так, например, политик, используя свои ресурсы в общественной деятельности, может снискать широкое одобрение и, следовательно, получить определенную свободу действий. С другой стороны, если мы натолкнемся на границы власти там, где их ожидали меньше всего - во "всевластии" римского императора, например, или в "непреодолимости" современной государственной власти, - то именно вследствие использования силы этой, казалось бы, явно преобладающей власти в конфликте с "безвластными", ее носители сами могут внезапно оказаться "безвластными", как римский император в борьбе с ралним христианством или как современное государство в конфликте с "борцами за мир", подорвавшими правовое государство. И даже там, где мы, наконец, ожидаем найти объективные границы сво-

боды действий, нас ждет разочарование: когда, например, Римский клуб знакомит нас с границами роста и показывает насколько серьезно положение вещей в этой области, тогда мы вместе с Римским клубом должны с удивлением констатировать, что неприступные на первый взгляд границы могут сделаться проницаемыми благодаря инновационным действиям - таким как экономия энергии, применение новых ресурсов или безотходное производство.

Пропагандистская форма власти "безвластных", произрастающая из их глубоких убеждений и могущая, в конце концов, даже покорить чувствительного к ценностям обладателя власти; цивилизованное самоограничение из-за государственно-правовых обязательств государственной власти; то обстоятельство, что при одинаковых условиях "воля к власти" *per se*⁴ придает силу, ибо может использовать решительность, свободу действий, новые возможности, достигнутые без всякого принуждения из-за изменившихся установок окружения, внутреннего самоослабления; быстрый крах внезапно окрепнувшего веймерского либерализма за два года до конца Веймарской республики - все эти субъективные детерминанты показывают что мы должны отказаться от модели властелина, который обладает объективированной свободой действий в отношении других.

2. Современные концепции власти

На современные исследования власти, включающие как определение этого понятия, так и последующую концептуализацию, сильное влияние оказал М.Вебер. Многочисленные последователи продолжили и развили в свете новых эмпирических и теоретических изысканий основные линии признанного "классическим" веберовского анализа.

Вебер не ограничивал формы проявления власти исключительно принуждением и насилием, признавая роль убеждения, влияния, авторитета и т.п. Феномен власти анализируется им с различных точек зрения: психологической, социологической, экономической, политической, этической. Этот многосторонний подход в дальнейшем распался в западной политической науке и философии на множество дивергирующих подходов, сконцентрированных на каком-либо одном аспекте власти - психологическом, социальном или политическом.

⁴ Благодаря себе, самостоятельно - лат.